

РОССИЯ В ЗАПАДНОЙ НАУКЕ *RUSSIA IN THE WESTERN SCIENCE*

Столичная наука глазами туземца (Заметки на полях дискуссии)

*П.А. ОРЕХОВСКИЙ**

***ОРЕХОВСКИЙ Петр Александрович** – доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором философии и методологии экономической науки Института экономики РАН. Адрес: 117218, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32, Институт экономики РАН. E-mail: orekhovskypa@mail.ru.

Работа посвящена анализу оснований выделения фигуры репрезентативного “западного исследователя”, интересующегося работами российских ученых. Демонстрируется, что деление на западную (мировую) и отечественную науку имеет прямую связь с дискуссией 2013 г. в журнале “Антропологический форум”, которую открыла публикация статьи М. Соколова и К. Титаева “Провинциальная и туземная наука”. Доказывается, что создание “карго-культа” мировой науки российскими властями и частью ученых-гуманитариев связано с политическим разделением на “своих” и “чужих” и не имеет отношения к истинности или ложности предлагаемых концепций.

Ключевые слова: мировая, провинциальная, туземная наука; симулякр; политическая идентификация; идеологический контроль.

DOI: 10.31857/S086904990006563-1

Цитирование: Ореховский П.А. (2019) Столичная наука глазами туземца (Заметки на полях дискуссии) // Общественные науки и современность. № 5. С. 79–85. DOI: 10.31857/S086904990006563-1

Metropolitan Science by the Eyes of a Native (A Marginal Note for the Discussion)

*Petr A. OREKHOVSKY**

***Petr A. Orekhovsky** – Dr. Sc. (Economics), professor, head of the Sector of Philosophy and Methodology of Economic Science, Institute of Economics of Russian Academy of Sciences. Address: 117218, 32, Nakhimovsky Prospect, Moscow, Russian Federation. E-mail: orekhovskypa@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the background for the selection of the figure of a representative “Western researcher” who is interested in the works of Russian scientists. It is shown that the division into Western (metropolitan) and domestic (provincial) science is directly related to the 2013 discussion in the journal “Anthropological Forum”, which was opened by M. Sokolov and K. Titaev article

“Provincial and native science”. It is proved that the creation of “cargo-cult” of metropolitan science by the Russian authorities and part of humanities scholars is connected with the political division into “their own” and “alien”, and is not related to the truth or falsity of the proposed concepts.

Keywords: metropolitan, provincial, native science; simulacrum; political identification; ideological control.

DOI: 10.31857/S086904990006563-1

Citation: Orekhovsky P. (2019) Metropolitan Science by the Eyes of a Native (A Marginal Note for the Discussion “Russia in Western Science”). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 79–85. DOI: 10.31857/S086904990006563-1 (In Russ.)

В редакционном предисловии, открывающем дискуссию “Россия в западной науке” (см. “ОНС” 2019, № 3, с. 5), задаются рамки обсуждения, которые требуют существенного уточнения. Так, утверждается: «Россия для ученого представляет собой обширное исследовательское поле со своей неповторимой спецификой, во многом отличной от привычной для западного исследователя... изучение нашей страны... оказывается в сфере “страноведческих исследований” – направления, не очень популярного среди других сфер научного анализа. Но в то же время нельзя не видеть, что Россия – огромная страна, играющая значительную роль в мировых процессах». Неповторимая специфика вроде бы присутствует во всех странах, лежащих по отношению к России не только к западу, но и в других направлениях, размер страны и “значительная роль в мировых процессах” выглядят какими-то странными риторическими аргументами (население Индонезии более 250 млн чел., Филиппин – более 100 млн, обе страны играют “значительную роль в мировых процессах”, все более смещающихся в сторону Тихого океана; что знают о России исследователи из этих стран, и что о них знаем мы?). Вдобавок, кроме страноведения, неповторимую специфику государств успешно изучают в экономической компаративистике, причем в совершенно различных аспектах, например с точки зрения спекуляции национальными ценными бумагами на финансовых рынках (см. прекрасный анализ в [Шарма 2018]).

Если не обращать внимания на указанные рамки, а сосредоточиться только на том, какое место в литературе, написанной на английском языке, уделяется “российским исследованиям”, то, по моему мнению, А. Либман в своей статье дал объективную и практически исчерпывающую характеристику данного вопроса [Либман 2019]. Во всяком случае, мне добавить тут нечего. Отмечу также, что, если на место России поставить, скажем, ЮАР после отмены системы апартеида, оценки южноафриканских и российских исследований вряд ли будут принципиально различаться.

Дело, однако, в другом. Ключевым концептом, задевающим нерв отечественного обсуждения, выступает признание важности существования некоего “западного исследователя” (заметим, не германского, польского или румынского, но именно *западного*), который, по-видимому, должен отойти от своих привычных исследовательских практик и поразиться российской неповторимости. Однако дискуссия, которая задается признанием Запада как референтной группы для российского гуманитария, уже имела место в журнале “Антропологический форум” шесть лет назад.

Открыла ее провокационная – по собственному признанию авторов – работа “Провинциальная и туземная наука” М. Соколова и К. Титаева [Соколов, Титаев 2013]. Суть этого разделения хорошо передает один из участников дискуссии, С. Ушакин: «Соколов и Титаев строят свою таксономию на (зыбком) основании одной метафоры: коммуникация между учеными есть разговор, т.е. более или менее направляемый обмен символами, их – символов – своеобразная циркуляция. Выбор ключевой метафоры позволяет авторам

сделать следующий шаг: сконцентрироваться на характере самого обмена / циркуляции. В итоге мы получаем “трехчленку” – замкнутая циркуляция (“натуральное” хозяйство) “туземной” науки, “неэквивалентный” обмен (карго-культ) “провинциальной” науки ну и, соответственно, – полноценный товарообмен на рынке “столичной” науки» [Ушакин 2013, с. 177–178]. Именно это положение провинциальной науки, когда “мы их читаем и цитируем, а они нас – нет”, думаю, и лежит в основе утверждения: “нельзя не видеть, что Россия...”. А почему, собственно, нельзя?

Для провинциальных ученых, как их характеризуют Соколов и Титаев, важная часть мировоззрения – их вера в существование столичной, *мировой* науки: “Поскольку происходящее в центре в провинциальной науке по определению считается более важным и совершенным, действующий нормативный алгоритм вначале требует уделить внимание тому, что говорится там. Собственно, для провинциальной науки именно посещение интеллектуальных салонов метрополии является основным маркером статуса; те, кто принят в них, не рискует потерять лицо, не посетив кого-то из своего круга. Так как все принадлежащие к провинциальной науке в общем-то смирились со своим положением ученых второго сорта, они могут безбоязненно игнорировать друг друга до тех пор, пока у них есть доказательства их опосредованной близости к ученым первого сорта. Известная враждебность, которая всегда существует между академическими коллегами-конкурентами, здесь особенно легко выходит наружу. Как правило, она выливается в войны умолчания, при которых тематически как раз наиболее близкие коллективы игнорируют друг друга. Социологи могут вспомнить конкуренцию разных групп, занимавшихся импортом Бурдьё, сетевого анализа или институциональной экономики в Россию и старательно избегавших ссылаться друга на друга публично, а в личной коммуникации отпускавших уничижительные замечания в отношении ограниченности понимания остальными первоисточников” [Соколов, Титаев 2013, с. 254].

Экономистам это тоже все хорошо знакомо [Ореховский 2015^а]. Однако, обращаясь к письменным практикам экономистов с *мировым именем*, легко обнаружить те же умолчания и взаимное игнорирование. Хрестоматийными – и хорошо известными – примерами являются нобелевские лауреаты, придерживавшиеся противоположных воззрений на институты, экономическую политику и устройство финансовых рынков: Ф. фон Хайек и Г. Мюрдаль (лауреаты 1974 г.), Ю. Фама, П. Хансен и Р. Шиллер (лауреаты 2013). Еще более яркую иллюстрацию дают работы Дж. Бьюкенена и М. Олсона: в них нет антагонизма взглядов, во многом они рассматривают близкие темы, были лично знакомы и работали в одном университете¹, однако в их трудах нет ссылок друг на друга.

Но тогда зачем нужен этот симулякр “мировой науки”, вокруг которого провинциалы создают свой, по меткому выражению Ушакина, карго-культ? Зачем нужно разделение на провинциальную и туземную науку, *что* оно дает тем, кто проводят такую идентификацию?

Прежде чем отвечать на эти вопросы, необходимо остановиться на характеристиках “туземцев”. В статье Соколова и Титаева появление последних связано с распадом советской иерархии гуманитариев и идеологического контроля: «Начать, вероятно, следует с истории возникновения и формирования туземной науки как целостного феномена – заглянуть в советскую и постсоветскую историю и попытаться увидеть ее истоки. Советская система управления наукой в числе прочего предполагала экспорт гуманитарных дисциплин в регионы.

Однако основным типом экспорта было обеспечение вузов и академических институтов специалистами в области философии, научного коммунизма и политэкономии. Кроме того,

¹ На это обстоятельство указал мне Р. Нуреев, лично знавший обоих, за что выражаю ему свою признательность.

гуманитарная наука была представлена преимущественно педагогическими вузами, а также историческими и филологическими факультетами университетов. При этом очень часто при кафедрах и факультетах функционировали дополнительные структуры (социологические лаборатории, рабочие группы и т.п.). Все представители этих дисциплин были плотно интегрированы в советскую систему академической мобильности и контроля качества научного продукта. Существовали регулярные курсы повышения квалификации, конференции на общесоюзном уровне и все прочие атрибуты “нормальной” академической жизни. Контакты с коллегами с родственных кафедр, с профильными факультетами и академическими институтами существовали и были достаточно активными. Не в последнюю очередь это было нужно для обеспечения идеологического контроля над социогуманитарными дисциплинами. Как хорошая хозяйка салона, советская власть следила за тем, чтобы все участвовали в разговоре и чтобы кружки, общающиеся в разных частях зала, не договорились до чего-то, что перессорит их между собой или, еще того хуже, с ней.

В начале 1990-х гг. произошло два изменения, которые радикально трансформировали это пространство. Во-первых, было полностью закрыто бюджетное финансирование интеграции региональных кафедр в единую систему (как и практически все финансирование академической мобильности, но здесь последствия этого были особенно ощутимы). Во-вторых, сами кафедры вынуждены были срочно осваивать новые дисциплины и формы работы, поскольку из учебных планов были удалены все “их” предметы, кроме философии. С исчезновением возможности общения с коллегами была разрушена одна из главных составляющих науки – система конвенциональной оценки качества производимого продукта. Никто не следил больше, кто и что говорит в разных углах зала и слушает ли» [Соколов, Титаев 2013, с. 253–254].

Существует старая поговорка обществоведов: “очевидец – естественный враг историка”. Благостная картина тоталитарного идеологического контроля, по-видимому, вполне соответствует как стандартным представлениям *западного исследователя*, так и мироощущению *провинциального ученого*. Однако это сильно расходится с теми общеизвестными фактами, которые, по-видимому, не укладываются в картину “хорошей хозяйки – советской власти” (?!). При этом речь идет не столько о фигурах масштаба Ю. Левады, А. Зиновьева или Г. Щедровицкого (стоит отметить, что лишь через организационно-деятельностные игры последнего, радикально трансформировавшие мировоззрение советского человека, прошло, по-видимому, не менее 10 000 человек), сколько о куда более скромных личностях, типа члена КПСС, кандидата экономических наук, доцента А. Чубайса или заведующего кафедрой общественных наук ИПК Минцветмета в Свердловске Г. Бурбулиса.

Рядом с кафедрами политэкономии как в центральных, так и в туземных вузах существовали кафедры экономической кибернетики и математических методов в экономике. Периферийным студентам (о ужас!) читались туземными профессорами курсы оптимизации и математического программирования, которые идеологически основывались на “буржуазной” теории предельной полезности, а не трудовой теории стоимости. Да и к части “столичных” политэкономов (если считать таковыми ученых из МГУ и ЛГУ) “на периферии” было, прямо скажем, во многом скептическое отношение. Причем в стенах одного только МГУ преподавали люди, придерживающиеся очень разных взглядов на экономическую теорию (достаточно упомянуть Н. Цаголова, его ученика Г. Попова, С. Шаталина, Е. Майминаса, не говоря уже о других).

Конечно, многое зависело как от личностей преподавателей и ученых, так и от общей атмосферы того или иного вуза. Если прибегнуть к нелюбимому нами методу интроспекции, то уже в 1978 г., читая в Новосибирском госуниверситете курс экономической истории, Б. Орлов, прошедший войну с 1941 по 1945 гг., помню, мимоходом обронил: “...как вы, вероятно, уже знаете, ни одна из советских пятилеток так никогда и не была выполнена”.

После чего он привел статистические иллюстрации своего тезиса. Это не помешало нам далее слушать и успешно сдавать курс “истории КПСС”, где утверждалось прямо противоположное. Поэтому великолепный, яркий роман А. Юрчака о дискурсивных практиках в СССР “Это было навсегда, пока не кончилось” [Юрчак 2014] имеет такое же отношение к наблюдавшейся нами в 1970–1980-е гг. действительности, как и произведения братьев А. и Б. Стругацких. Все логично выстроено, убедительно написано, близко к “той жизни”, однако либо не совсем так, либо уже совсем не так.

Возвращаясь к центральному вопросу – вере в наличие мировой (столичной), провинциальной и туземной науки – необходимо отметить очевидное: это *политическое* разграничение. Как хорошо пишет Соколов: “В российских социальных науках водораздел между теми, кто верит, что читать западные книги важнее, чем русские, и теми, кто уверен в обратном, проходит более-менее по линии, отделяющей Болотную площадь от Поклонной горы” [Соколов, Титаев 2013, с. 252; Соколов 2010]. Политическое, если верить К. Шмитту, – это различие друга и врага [Шмитт 1992]. Ориентация на референтную группу в лице западного исследователя и симулякра мировой науки – это свои люди для “воинов света”. У туземцев, которые отрицают само существование как мировой науки, так и фигуры стандартного западного исследователя (любопытно, как бы мог выглядеть стандартный “российский исследователь”?), в отсутствие общего идеала ситуация выглядит более разнообразной. Скажем, эстетика фэнтези Н. Перумова и поэтизация Тьмы радикально расходится с одним из британских родоначальников жанра Р. Толкиеном, но, судя по продажам произведений этого писателя (кстати, в качестве биофизика вполне подходящего под статус мирового ученого, в то время как про переводы его художественной прозы Википедия умалчивает), вполне признается как провинциалами, так и туземцами. Что же до песни под названием “Орская” М. Елизарова (другого популярного российского писателя), то далеко не каждый туземец сможет оценить пафос и сарказм этого “гимна”. Понятно, что в политической схватке с воинами света у туземцев мало шансов.

Прелесть веры в мировую науку для экономистов, вообще говоря, очевидна. Она предлагает экономическую панацею, доступную пониманию даже российской власти, которая с давних времен *глубоко провинциальна* как раз в том самом смысле, какой вкладывают в этот термин Соколов и Титаев. И уже потому (а заодно в результате своей давней идентификации с Западом) этот “единственный европеец” в России глубоко презирует туземцев. Как заметил хорошо чувствующий подобные нюансы Г. Павловский: “Власть чувствует себя о-о-очень мудрой, бесконечно учение всех, кто ей что-то советует. Старый-престарый Ясин, бывший министром, еще когда о Суркове не знали в Кремле, – для нас чудак-несмышлениш. У такой власти в принципе нет партнера, нет достойного собеседника (странным исключением был Гайдар – теневой гуру любой команды в Кремле). Власть иногда навещает Общественную палату, как приют для даунов – бедняжки, какое горе! С вами здесь хорошо обращаются? Но не советоваться же нам с идиотом!” [Павловский 2012, с. 9].

Любопытно, что как раз здесь Ушакин глубоко ошибается в своем описании феномена “туземной” науки: “Мне сначала казалось, что дело в конкретных индивидах, но сейчас я все чаще думаю, что тут проблема системная: закрытые структуры по производству знания, хорошо встроенные в местные системы обмена, воспроизводят себя не за счет циркуляции *знания*, а за счет циркуляции *людей*. И мы знаем из антропологии, что в таких системах определяющим является не качество продукта, а лояльность членов системы” [Ушакин 2013, с. 188]. Как он представляет себе “закрытые структуры по производству знания” в условиях критериев, установленных упраздненным ныне ФАНО и плавно перешедшими в систему показателей эффективности вузов и НИИ российского Министерства образования и науки? Лояльность чему/кому? Российской власти? Для экономиста это означает только освоение авторитетного дискурса либеральных замполитов [Ореховский

2015^b] и плавной трансформации в очередного неофита карго-культа мировой науки. Как когда-то писали подзабытые ныне “прорабы перестройки”, “Иного не дано”.

Глядишь, *тогда* и вправду западные исследователи оценят российскую уникальность. Жаль вот только, что грантов от фонда Дж. Сороса для туземцев более нет. Ибо, как замечает уже многожды процитированный Ушакин: «Обучение и гранты позволили этим ученым познакомиться со стандартами и требованиями мировой науки, ввели их в тематику и сети. Но заканчивается эта интеграция, как правило, одинаково: рано или поздно эти молодые ученые, прошедшие “школу Сороса”, регион покидают и вливаются в ту самую мировую науку, язык которой они так хорошо усвоили. Попытки же “локализовать” этих ученых на местах, обновить с их помощью региональные университеты, как правило, заканчиваются безуспешно. Особенно если учитывать тот объем финансирования, который ушел на многочисленные школы, проекты и прочие формы поддержки. Не сложилось критической массы в регионах. Точнее – нежизнеспособной оказалась там этика и практика мировой науки» [Ушакин 2013, с. 186].

Вот так-то. А то все “карго-культ”... Не получилось у Дж. Сороса, надо пробовать рецепты Дж. Шарпа.

Думается, тема дискуссии может быть переформатирована – не “Россия в западной науке”, а “как российским представителям социальных наук лучше вписаться в мировую науку”. При этом слово “российский” может быть корректно заменено на “не-западный”. И хорошо бы при этом найти каких-нибудь “западных исследователей”, которые бы объяснили нам не только то, *как* это сделать, но, главное, *зачем*. Может, тогда, наконец, мы, туземцы, начнем понимать отечественных реформаторов науки и образования, внедряющих в жизнь “лучшие зарубежные практики”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Либман А.М. (2019) Изучение России в западной науке: проблемы и логика развития // Общественные науки и современность. № 3. С. 5–19.

Ореховский П. (2015^b) Авторитетный дискурс российского экономиста // Общественные науки и современность. № 6. С. 91–115.

Ореховский П. (2015^a) Структура поля экономического знания: возможности и пределы общественных дискуссий // Общественные науки и современность. № 1. С. 5–23.

Павловский Г. (2012) Гениальная власть! Словарь абстракций Кремля. М.: Европа.

Соколов М. (2010) Индивидуальные траектории и происхождение “естественных зон” в петербургской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. № 3. С. 111–132.

Соколов М., Титаев К. (2013) Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. № 19. С. 239–275.

Ушакин С. (2013) Наука: вещь в себе и вещь для себя // Антропологический форум. № 19. С. 176–188.

Шарпа Р. (2018) Взлеты и падения государств в посткризисном мире. М.: АСТ; CORPUS.

Шмитт К. (1992) Понятие политического // Вопросы социологии. № 1. С. 37–67.

Юрчак А. (2014) Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение.

REFERENCES

Libman A. (2019) Izucheniye Rossii v zapadnoy nauke: problemy i logika razvitiya [Studying Russia in the Western Science: Problems and Development Logic]. Obshchestvennye nauki i sovremennost', no. 3, pp. 5–19.

Orekhovskiy P. (2015^b) *Avtoritetnyy diskurs rossiyskogo ekonomista* [The Authoritative Discourse of the Russian Economist]. Obshchestvennye nauki i sovremennost', no. 6, pp. 91–115.

Orekhovskiy P. (2015*) *Struktura polya ekonomicheskogo znaniya: vozmozhnosti i predely obshchestvennykh diskussiy* [The Structure of the Field of Economic Knowledge: the Possibilities and Limits of Public Discussion]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 5–23.

Pavlovskiy G. (2012) *Genial'naya vlast'! Slovar' abstraktsiy Kremlya* [Genial Power! Dictionary of the Kremlin Abstractions]. Moscow: Evropa.

Schmitt C. (1992) *Ponyatiye politicheskogo* [The Concept of the Political]. *Voprosy sotsiologii*, no. 1, pp. 37–67.

Sharma R. (2018) *Vzlety i padeniya gosudarstv v postkrizisnom mire* [The Ups and Downs of States in the Post-Crisis World]. Moscow: AST; CORPUS.

Sokolov M. (2010) Individual'nyye trayektorii i proiskhozhdeniye "estestvennykh zon" v peterburgskoy sotsiologii [Individual Trajectories and the Origin of "Native Zones" in Petersburg Sociology]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, no. 3, pp. 111–132.

Sokolov M., Titayev K. (2013) *Provintsial'naya i tuzemnaya nauka* [Provincial and Native Science]. *Antropologicheskij forum*, no. 19, pp. 239–275.

Ushakin S. (2013) *Nauka: veshch' v sebe i veshch' dlya sebya* [Science: a Thing in Itself and a Thing For Itself]. *Antropologicheskij forum*, no. 19, pp. 176–188.

Yurchak A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoye pokoleniye* [It Was Forever, until It Was Over. The Last Soviet Generation]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.